

ПАРАДОКСЫ РЕАБИЛИТАЦИИ ПОДСУДИМЫХ ПРОЦЕССА
СОЦИАЛИСТОВ-РЕВОЛЮЦИОНЕРОВ 1922 г.
ГЕНПРОКУРАТУРОЙ РФ В КОНТЕКСТЕ ПРОБЛЕМЫ ЮРИДИЧЕСКОЙ
«ВИНОВНОСТИ» УЧАСТНИКОВ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ¹

Судебный процесс социалистов-революционеров проходил в Москве с 8 июня по 7 августа 1922 г. и привлекал к себе внимание не только внутри России, но всей социалистической и демократической общественности Европы и Америки. По количеству особенностей, затрагивающих самые разные сферы организации подобных процессов и юриспруденции, судебный процесс социалистов-революционеров, пожалуй, не сравнится ни с одним из процессов российского освободительного движения. Но главная и совершенно уникальная его черта, резко выделяющая этот процесс из всей, как дореволюционной, так и советской судебной практики (и та и другая бедностью не отличались), заключается в том, что и те, кто судил, и те, кого судили, пытались доказать и себе, и друг другу и всему миру, что они-то как раз и есть истинные революционеры, а противостоящая им сторона и есть подлинные предатели революции и трудящихся. На процесс впервые в мировой практике было выведено две группы подсудимых (со своими отдельными защитниками). 1-я группа «нераскаявшихся» эсеров, состояла из 22-х человек, а 2-я группа, включала в себя десять обвиняемых, из бывших эсеров, часть из которых к 1922 г. уже стали коммунистами и должны были сыграть свою роль в «разоблачении преступлений» ПСР.

Международный резонанс процесса получился даже громче, чем планировали коммунисты, но вот направленность его оказалась для них совершенно неожиданной. Вместо давления на «соглашательские» партии II-го и Венского Интернационалов, большевики получили шквал общественного негодования в котором свой голос возвысили не только социалистические партии, но и самые широкие политические, общественные и даже известнейшие деятели литературы, культуры и науки – от Анри Барбюса и Герберта Уэллса до Альберта Эйнштейна.

По приговору Верхтриба ВЦИК 7 августа 1922 г. к высшей мере наказания были приговорены 12 подсудимых 1-й группы: В. В. Агапов, А. И. Альтовский, М. Я. Гендельман, Л. Я. Герштейн, А. Р. Гоц, Д. Д. Донской, Н. Н. Иванов, Е. А. Иванова-Иранова, М. А. Лихач, С. В. Морозов, Е. М. Ратнер, Е. М. Тимофеев (исполнение приговора было отложено Президиумом ВЦИК и превратило «смертников» в заложников на случай активной, прежде всего террористической, деятельности эсеров). 13-м смертником процесса, которому приговор был вынесен почти год спустя после его завершения стал член ЦК ПСР в 1917–1918 гг. В. Н. Рихтер, ушедший в марте 1922 г. в подполье и в качестве члена ЦБ ПСР, заменившего ЦК, был арестован в Киеве в сентябре 1922 г. на партийной конференции. 4 июля 1923 г. Судебная коллегия Верховного суда РСФСР (В. Н. Рихтер заявил о своем отказе являться суд, письменно потребовав «слушать дело без него») постановила считать доказанными «преступные деяния» В. Н. Рихтера и приговорил его к высшей мере наказания – расстрелу. Впрочем, как и двенадцати его товарищам, приговоренных к высшей мере наказания и переведенным фактически в разряд заложников, В. Н. Рихтеру смертная казнь решением Президиума ВЦИК от 18 сентября 1923 г. была заменена «десятью годами лишения свободы с зачетом предварительного заключения, со строгой изоляцией и поражением прав на пять лет».

Остальные обвиняемые из 1-й группы получили различные сроки заключения: Н. И. Артемьев, М. А. Веденяпин, А. В. Либеров, Д. Ф. Раков, Ф. Ф. Федорович – по 10 лет строгой изоляции, Е. С. Берг, М. И. Львов (наст. имя – П. С. Галанов), В. Л. Утгоф – по 5 лет строгой изоляции, Г. Л. Горьков – 3 года строгой изоляции, П. В. Злобин – 2 года строгой изоляции. Подсудимые-ренегаты 2-й группы: Ю. В. Морачевский и Г. М. Ратнер были оправданы, Г. И. Семенов, В. И. Игнатьев и

¹ Данной статьей автор хочет привлечь внимание к проблеме, актуальной для историков антибольшевистского сопротивления, и пригласить их к участию в дискуссии о парадоксах реабилитации политических противников советского режима (подробнее см.: <http://socialist.memo.ru/discuss/index.htm>).

Л. В. Коноплева были приговорены к высшей мере наказания, а остальные – к различным срокам наказания (И. С. Дашевский – 3 года, П. Т. Ефимов – 10 лет, Ф. В. Зубков, К. А. Усов, Ф. Ф. Федоров-Козлов – 5 лет, П. Н. Пелевин – 3 года, Ф. Е. Ставская – 2 года). Впрочем, по ходатайству Верхтриба все они были помилованы Президиумом ВЦИК и освобождены от наказания.

Одержав, если так можно выразиться, формальную победу над подсудимыми 1-й группы, «моральной победы, – как справедливо отмечал в 1931 г. меньшевик Б. Николаевский, откликаясь на смерть члена ЦК ПСР Е. М. Ратнер, – организаторы процесса не одержали, несмотря на все усилия, им не удалось запугать посаженных на скамью подсудимых политических противников, – не удалось вырвать из их уст ни одного слова отречения или раскаяния. Скамью подсудимых они превратили в политическую трибуну и с нее вели пропаганду своих взглядов, критиковали политику своих обвинителей. Этому власти им не простила и с мстительной жестокостью преследовала их в течение всех тех лет, которые протекли после суда»².

После процесса, 22 осужденных эсера прошли через «тюремный эксперимент», который им приготовила власть, и в ожесточенной четырехлетней борьбе вышли из тюремного противостояния, победителями, в немалой степени благодаря поддержке общественного мнения и депутатов-социалистов Франции, Англии, Чехословакии и Германии.

Процесс и его герои были прочно забыты советскими людьми на многие десятилетия. Значимость противостояния 22-х социалистов-революционеров, как и их место в шеренге противников советской тоталитарной системы, поняли лишь немногие, пришедшие много десятилетий спустя и сравнившие, подобно В. Т. Шаламову, суд над писателями Андреем Синявским и Юлием Даниэлем с процессом над ПСР: «Со времени дела правых эсеров – легендарных уже героев революционной России – это первый такой политический процесс. Только правые эсеры уходили из зала суда, не вызывая жалости, презрения, ужаса, недоумения...»³.

Все они прошли нескончаемую череду тюрем, ссылок, лагерей, умирая от болезни и погибая от пуль палачей. Только один из 22-х подсудимых 1-й группы – А. И. Альтовский пережил годы «большого террора»⁴. Парадоксально то, что власти, рассматривавшие процесс как общую могилу, призванную бесследно поглотить оппозиционных ей социалистов, неожиданно для себя создали всем им, рассеянным и безвестно сгинувшим в советских лагерях и тюрьмах 20–30-х гг., один общий могильный камень-памятник, памятник, который мы сегодня воспринимаем как символ несломленной воли и непреданных идеалов.

* * *

В 2001 г. завершилось начатое в 1997 г. Генеральной прокуратурой РФ рассмотрение дел всех подсудимых процесса с.-р. и ряда лиц, проходивших по нему в самых разных качествах на предмет реабилитации (и отказов в ней). Итоги этой работы были аккумулированы в двух десятках «Заключений» Генпрокуратуры, подшитых к одному из дел фонда эсеровского процесса Н-1789, хранящегося в

² Б. Н. Е. Ратнер // Социалистический Вестник. 1931. № 21. С. 14.

³ Цит. по: Янсен М. Суд без суда. 1922 год. Показательный процесс социалистов-революционеров. М., 1993. С. 7.

⁴ См.: Свирская М. Л. Из воспоминаний / Публ. Б. Сапира // Минувшее. М., 1992. Вып. 7; Jansen M. The Trial of the Socialist Revolutionaries. M., 1922. Martinus Nijhoff Publishers, 1982; Янсен М. Суд без суда. 1922 год. Показательный процесс социалистов-революционеров. М., 1993; Янсен М. Е. М. Тимофеев и другие члены ЦК ПСР после процесса 1922 г. // Минувшее. Вып. 7. АТНЕНЕУМ. 1989. С. 193–214; Партия социалистов-революционеров после октябрьского переворота 1917 года: Документы из архива П.С.-Р. / Ред.-сост. М. Янсен. Амстердам, 1989; Дмитрий Дмитриевич Донской / Сост., введ., комментарии Я. А. Яковлева. Томск, 2000; Литвин А. Л. Азеф второй. // Родина. 1999. № 9. С. 80–84; Журавлев С. В. Человек революционной эпохи: Судьба эсера-террориста Г. И. Семенова (1891–1937) // Отечественная история. 2000. № 3. С. 87–105; Морозов К. Н. Судебный процесс социалистов-революционеров и тюремное противостояние (1922 – 1926): этика и тактика противоборства. М., 2005; Сын «вольного штурмана» и тринадцатый «смертник» судебного процесса с.-р. 1922 г.: Сборник документов и материалов из личного архива В. Н. Рихтера / Сост. К. Н. Морозов, А. Ю. Морозова, Т. А. Семенова (Рихтер). М., 2005.

Центральном архиве Федеральной службы безопасности Российской Федерации (ЦА ФСБ РФ)⁵.

Первым, в 1997 г., был реабилитирован **М. И. Львов**, человек, чье настоящее имя стало известно только сейчас. М. И. Львов в 1925 г. бежал из чердынской ссылки, спасая новорожденного ребенка, оставшегося без матери, и был при аресте в Москве опознан как видный казанский эсер и «председатель Казанского Совета Рабочих и Солдатских депутатов в 17 г. **Галанов Прохор Саввич**»⁶.

Ответ на вопрос, почему М. И. Львов (П. С. Галанов) стал первым реабилитированным и почему временной разрыв между ним и его товарищами составил четыре года, достаточно очевиден. Потому что его дело для прокуратуры было одним из самых бесспорных и очевидных.

Так, в заключении о реабилитации М. И. Львова (П. С. Галанова), подписанном в 1997 г. прокурором отдела реабилитации жертв политических репрессий Генпрокуратуры РФ В. С. Гринько, говорилось: «Согласно итоговому постановлению следователя и приговору суда он обвинялся в том, что состоял членом наиболее активной группировки ПСР, подготавливающей экспроприацию собственности для нужд партии. В сентябре 1918 г. с этой целью он снабдил члена группы Коноплеву явкой в г. Калуге для проверки возможности ограбления Калужского губпродкома. Данное обстоятельство Львов категорически отрицал, других доказательств, кроме показаний Коноплевой, в ходе следствия не добыто. Лицо, через которое якобы должна быть совершена эта акция не допрошено. Ограбление не было совершено и никаких практических, реальных мер для его совершения не предпринято. Участие Львова в других «мероприятиях» ПСР, признанных судом незаконными: [...] не установлено и он за них к ответственности не привлечен. Львов не отрицал своей принадлежности к партии социалистов-революционеров, разделяя идеологию той ее части, которая строго стояла на позиции политической легальной борьбы за демократию без использования насилия и других незаконных методов. При таких обстоятельствах следует признать привлечение его к ответственности за контрреволюционную деятельность незаконным. В последующем Львов совершил побег с места поселения, за что подвергнут заключению в концлагерь. Вопрос об отмене этого решения будет поставлен в судебном порядке»⁷.

Кратко прицитируем ряд «Заключений», чтобы составить себе представление о духе, логике и стиле этих документов.

28 мая 2001 г. Помощник Генерального прокурора Российской Федерации Н. С. Власенко утвердил «Заключение об отказе в реабилитации», составленное А. Г. Абрамовым и подписанное прокурором отдела реабилитации И. О. Ковалевской, в котором отмечалось: «[...] Гоц признан виновным в том, что, будучи одним из влиятельнейших членов ЦК партии социалистов-революционеров (правых) поддерживал и разделял установку ЦК на вооруженное свержение рабоче-крестьянской власти в России. В прошлом участвовал в организации в контрреволюционных целях вооруженных восстаний и вторжений на территорию России вооруженных отрядов и банд, участвовал в попытках захвата власти в центре и на местах и насильственном расторжении договоров, заключенных РСФСР, отторжении от Республики некоторых частей ее. Кроме того, руководил деятельностью террористических партийных групп, готовивших покушения на Ленина, Троцкого, Берзина и поезд Совета Народных Комиссаров, убийство Володарского. В основной своей части предъявленное Гоцу обвинение подтверждено его собственными показаниями, данными в суде, в которых он заявил, что считает себя полностью ответственным за все решения ЦК партии, направленные на организацию вооруженной борьбы с советской властью, подтвердил, что сразу же после свержения правительства Керенского он принимал меры к свержению власти большевиков и с этой целью выезжал в войска под Петроградом, в том числе к генералу Краснову, для организации их выступления на Петроград (выделено нами – К.М.). Показаниями Паевского, Игнатьева, Семенова, Коноплевой, Ракитина-Броуна, Краковецкого подтверждено, что Гоц принимал активное участие в подготовке юнкерского восстания в Петрограде в конце октября 1917 года, когда основные революционные силы были брошены на борьбу с

⁵ См.: ЦА ФСБ РФ. Н-1789. Т. 1. Ч. II. Л. 97–125.

⁶ АПРФ. Ф. 3. Оп. 59. Д. 18. Л. 103.

⁷ ЦА ФСБ РФ. Н-1789. Т. 1. Ч. II. Л. 97 об., 98.

корниловским мятежом (так! – К.М.). По его настоянию руководителем восстания был назначен полковник Полковников. Входил в военную организацию и штаб «Союза возрождения», куда входили и представители буржуазных партий, координировал деятельность «Союза» и партии эсеров по борьбе с советской властью (выделено нами – К.М.). Семенов, Коноплева подробно рассказали, что именно Гоц поддержал их решение об организации убийства Володарского, слежку, а затем и покушение на Ленина, причем поддержал не только от своего имени, но и от имени ЦК партии эсеров[...]. доказанные Гоцу преступные действия содержат состав инкриминированных ему преступлений. На основании изложенного, руководствуясь ст. 4 Закона РФ «О реабилитации жертв политических репрессий» в реабилитации ГОЦА Абрама Рафаиловича отказать (выделено нами – К.М.).⁸

В заключении о реабилитации, утвержденном 28 июня 2001 г. и.о. пом. Генерального прокурора Т. М. Бобылевой, касавшемся кроме **Е. М. Тимофеева**, также **Н. Н. Иванова**, **А. И. Альтовского**, **Ф. Ф. Федоровича**, **В. Л. Утгофа-Дерюжинского**, констатировалось: «[...] суд в приговоре в отношении Иванова, Тимофеева, Федоровича значительно вышел за рамки предъявленных им обвинений, что нельзя признать правильным. [...] Хотя по делу установлено, что, будучи руководителем военной работы в Москве, Тимофеев принимал меры к направлению в Поволжье, где концентрировались силы эсеров, для организации правительства Учредительного Собрания, сторонников эсеров, но не установлено, что он туда направлял и заведомо контрреволюционные элементы. Сама же работа эсеров по организации в Поволжье правительства Учредительного Собрания, была не контрреволюционной, а только антибольшевистской (выделено нами – К. М.). Отсутствуют в деле доказательства того, что Тимофеев имел связь с представителями иностранных государств, находящихся в состоянии войны с республикой Советов. [...] Отсутствуют доказательства того, что Тимофеев имел связь с организованной в Москве подрывной группой партии эсеров, оказал помощь в подготовке в апреле 1918 года покушения на Ленина»⁹.

21 мая 2001 г. Отделом реабилитации Генеральной прокуратуры РФ было написано заключение о реабилитации **В. В. Агапова**, в котором говорилось: «По приговору Агапов признан виновным в том, что состоя членом руководящих органов эсеров, выполнял директивы своего ЦК, руководил подрывной группой ЦК, организованной в Москве в целях подрыва, поджогов и разрушения железнодорожных путей. Как следует из материалов дела и обвинительного заключения, в августе 1918 года членом ЦК Донским в Москве была организована подрывная группа во главе с эсером Давыдовым, [...] Агапов по заданиям Донского имел определенную связь с этой группой. В то же время нет объективных данных подтверждающих, что группа выполняла возложенные на нее задачи. [...] имеются показания о том, что [...] в декабре 1918 года, [...] она была ликвидирована именно за бездеятельность. При таких условиях можно говорить только о попытке создания подрывной группы и следовательно осуждение Агапова по ст.65 УК РСФСР, предусматривающей ответственность за организацию вредительства на железной дороге, нельзя признать доказанным. Можно говорить только о том, что репрессированный знал о создаваемой группе, которая бездействовала.

Его обвинение по ст. 60 УК РСФСР в настоящее время также нельзя признать обоснованным, так как по своей сути эсеровская организация не была контрреволюционной, а только антибольшевистской [...].

На Агапова Владимира Владимировича распространяется действие ст.3 Закона Российской Федерации «О реабилитации жертв политических репрессий» от 18 октября 1991 г.»¹⁰.

В заключении, о реабилитации **А. И. Альтовского**, утвержденном 28 июня 2001 г. и. о. помощника Генерального прокурора Т. М. Бобылевой говорится: «Альтовский, как установлено, находясь в Самаре, по заданию партии обеспечивал прибывавших туда членов партии документами и жильем. Но делал он это не с контрреволюционными целями, а для оказания помощи съехавшимся туда членам

⁸ ЦА ФСБ РФ. Н-1789. Т. 1. Ч. II. Л. 105–106 об.

⁹ Там же. Л. 117–118 об.

¹⁰ Там же. Л. 100–100 об.

Учредительного Собрания, которые им воспринимались как представители законно избранного правительства»¹¹.

21 мая 2001 г. было утверждено заключение реабилитации **А. Н. Артемьева**, в котором говорилось: «[...] Артемьев признан виновным в том, что состоял членом Московского бюро ЦК, с некоторыми другими руководил всей партийной работой партии эсеров (правых) на территории России, подвластной Рабоче-крестьянскому правительству, в то время, когда члены ЦК прибывали за Волгой, знал о существовании в Москве боевой группы Семенова. Артемьев подтвердил, что действительно являлся членом Московского бюро ЦК и проводил партийную работу. Однако, по делу не установлено, в чем конкретно заключалась работа репрессированного. [...] Сам Артемьев утверждал, что после 8 Совета партии, когда на повестку дня встал вопрос о вооруженной борьбе с советской властью, он военной работой не занимался. Осуждение же его только за то, что он был членом Московского бюро ЦК партии эсеров нельзя признать обоснованным без установления его конкретного участия в борьбе с Советской властью»¹².

С. В. Морозов был реабилитирован 21 мая 2001 г. В заключении о реабилитации констатируется: «Из материалов дела следует, что Морозов присутствовал на заседании бюро ЦК, когда решался вопрос о ликвидации ранее организованной в Москве подрывной группы в связи с ее бездеятельностью. В чем заключалась другая работа Морозова, по делу не установлено. Столь суровое наказание, как следует из материалов дела, Морозову определено только потому, что в своем последнем слове в суде он заявил, что он всю работу в Москве вел с другим осужденным Донским, вина которого доказана, как в причастности к организации терактов, так и экспроприаций. [...] Так как никакой конкретной работы со стороны Морозова, направленной на совершение преступлений, предусмотренных ст. 4 Закона РФ «О реабилитации жертв политических репрессий», при доказанности которых можно было отказать в реабилитации, по делу не установлено»¹³.

В заключении о реабилитации **М. А. Веденяпина**, утвержденном 28 мая 2001 г. помощником Генерального прокурора РФ Н. С. Власенко констатировалось: «[...] Веденяпин действительно был членом ЦК партии эсеров (правых), ставившей целью вооруженное свержение власти большевиков, так как считали, что большевики узурпировали власть, насаждают антидемократические порядки, что власть должна принадлежать Учредительному собранию, избранному народом. Эту позицию разделял и Веденяпин. [...] материалами дела доказана вина Веденяпина в совершении преступлений, предусмотренных ст. ст. 57, 58 ч. 1, 59, 60 УК РСФСР (в ред. 1922). В то же время в деле отсутствуют доказательства, подтверждающие вину репрессированного в совершении преступлений, предусмотренных ст. 76 ч. 2 и 65 УК РСФСР, т.е. в пособничестве боевой организации партии в совершении экспроприаций или сокрытии добытого, а также в организации диверсий. Характерно, что сам Верховный трибунал в описательной части приговора признал Веденяпина виновным в совершении преступления, предусматривающей ответственность за укрывательство и пособничество контрреволюционным преступлениям, а в резолютивной части почему-то безмотивно осудил его по ст. 76 ч. 2 УК РСФСР (выделено нами – К.М.). Исходя из изложенного следует признать, что в 1922 г. Веденяпин был репрессирован в основном обоснованно по политическим мотивам, однако в настоящее время подлежит реабилитации, так как в доказанных ему действиях не установлено таких, которые перечислены в ст. 4 Закона РФ «О реабилитации жертв политических репрессий» и наличие которых является основанием для отказа в реабилитации и признании репрессирования обоснованным в настоящее время»¹⁴.

В заключении о реабилитации **М. Я. Гендельмана**, утвержденной 28 июня 2001 г. и. о. помощника Генерального прокурора РФ Т. М. Бобылевой говорится: «Хотя Гендельман, будучи членом ЦК партии эсеров (правых) и членом фракции Учредительного Собрания, знал и поддерживал позицию партии в вопросах борьбы с большевистской властью, но ни в материалах дела, ни в судебных материалах нет доказательств его личного участия в контрреволюционной работе. Един-

¹¹ Там же. Л. 118 об.

¹² ЦА ФСБ РФ. Н-1789. Л. 99, 99 об.

¹³ Там же. Л. 111, 111 об.

¹⁴ Там же. Л. 102, 102 об.

ственное, что установлено по делу, он, как представитель Самарского Комитета членов Учредительного собрания, участвовал на Уфимском совещании, где власть была передана по существу антисоциалистическому органу – Директории, что в конечном счете привело к передаче власти к Колчаку. Как видно из материалов дела, такое решение (вписано от руки – «?! коллективным» – К.М.) было вынужденным и его инициатором Гендельман не был. Поэтому и его осуждение нельзя признать обоснованным»¹⁵ (выделено нами – К.М.).

В заключении о реабилитации **Л. Я. Герштейна**, утвержденном 30 мая 2001 г. пом. Генерального прокурора РФ Н. С. Власенко, констатируется: «Фактически материалами дела, показаниями репрессированного, других осужденных, свидетелей Ракитина-Броуна, Краковецкого, Семенова установлено, что Герштейн, будучи в 1917 году представителем ЦК партии эсеров в военной комиссии, считая совершенный большевиками октябрьский переворот незаконным, принимал меры к организации вооруженного сопротивления большевикам. Дал задание организовать боевые группы эсеров, посылал делегатов в войска, агитируя за поддержку Временного правительства. После неудавшейся попытки восстановления власти Временного правительства Герштейн организовывал работу по поддержке Учредительного собрания. Выехав затем на Украину, проводил там работу по собиранью вооруженных сил и отправке их на Восток и в Сибирь, для организации там вооруженного сопротивления большевистской власти. В то же время, будучи сторонником Учредительного собрания как органа «народоправства» Герштейн после захвата власти в Сибири Колчаком организовал борьбу и с ним. В то же время, материалами дела не подтверждено обвинение Герштейна в руководстве деятельностью террористических партийных групп, осуществивших покушения на Ленина, Троцкого, Берзина, поезд Совета Народных Комиссаров и убийство Володарского. По обвинительному заключению эти действия репрессированному не вменялись в вину. Никто из допрошенных по делу свидетелей не подтвердил факта руководства Герштейном террористическими группами. При таких обстоятельствах осуждение Герштейна по ст. 64 УК РСФСР следует считать необоснованным. Хотя обвинение Герштейна в совершении преступлений, предусмотренных ст.ст. 57, 58 ч. 1 и 60 УК РСФСР, подтверждено материалами дела, но репрессирование его по этим ст. ст. УК в настоящее время надлежит расценивать как необоснованное, так как в соответствии со ст. 4 Закона Российской Федерации «О реабилитации жертв политических репрессий» граждане, репрессированные по политическим мотивам, могут считаться обоснованно осужденными (репрессированными) только в случае доказанности совершения ими преступлений, перечисленных в этой статье Закона. Таковых в действиях Герштейна не установлено»¹⁶.

В заключении о реабилитации **Г. Л. Горькова**, утвержденном 15 мая 2001 г. пом. Генерального прокурора РФ Н. С. Власенко, говорится: «[...]Признан виновным в том, что состоял членом различных руководящих органов партии эсеров (правых) и выполнял директивы своего ЦК (выделено нами – К.М.). Как сказано в резолютивной части приговора, репрессированный отрицательно относился к вооруженной борьбе с советской властью, установлен незначительный объем его контрреволюционной деятельности. Как следует из материалов дела, Горьков-Добролюбов являлся в 17–18 годах членом военной комиссии Московского комитета партии эсеров. Оказывал содействие в переправе за Волгу членов разогнанного Учредительного Собрания, присутствовал на заседании Московского бюро ЦК, когда там делал доклад представитель Уфимского антисоветского правительства. Так как суд в приговоре признал, что все установленные действия репрессированного являются незначительными, не были направлены на свержение советской власти, следует признать, что Горьков-Добролюбов осужден только за то, что являлся членом партии эсеров (правых), что нельзя признать достаточно правильным, так как причастность к партии не может рассматриваться как уголовное преступление, если не установлено, что конкретный ее член занимался антисоветской деятельностью (выделено нами – К. М.). По делу же не установлено, кого конкретно из членов бывшего Учредительного Собрания репрессированный переправил за Волгу (выделено нами – К. М.). Сам же он признал себя виновным только в том, что проводил агитационную работу против партии боль-

¹⁵ Там же. Л. 103–103 об.

¹⁶ ЦА ФСБ РФ. Н-1789. Л. 104–104 об.

шевиков, считая ее действия насильственным захватом власти. В соответствии со ст. 5 Закона РФ «О реабилитации жертв политических репрессий» такие действия не содержат состава преступления. На ГОРЬКОВА-ДОБРОЛЮБОВА Григория Лаврентьевича распространяется действие с.с. 3 и 5 Закона Российской Федерации «О реабилитации жертв политических репрессий» от 18 октября 1991 г.»¹⁷.

В «Заключение в отказе от реабилитации» **Д. Д. Донскому**, подготовленном А. Г. Абрамовым и прокурором отдела реабилитации И. О. Ковалевской и утвержденном пом. Ген. прокурора РФ Н. С. Власенко 28 мая 2001 г. говорится: «Был в курсе подготовлявшихся группой Семенова с участием Каплан терактов в отношении Ленина и Троцкого, направил Каплан в группу Семенова. Поддерживал необходимость террористической деятельности в отношении руководителей партии большевиков. Обвинение по ст. 59 УК РСФСР не нашли подтверждения. Таким образом, материалами дела подтверждена вина Донского в совершении преступлений, предусмотренных ст.ст. 57, 58 ч. 1, 60, 76 ч. 1, 65 и 64 УК РСФСР, в связи с чем следует признать репрессирование Донского обоснованным, а его не подлежащим реабилитации. На основании изложенного, руководствуясь ст.4 Закона РФ «О реабилитации...» *в реабилитации Донского отказать*. Дело пересматривается при отсутствии заявлений заинтересованных лиц и организаций»¹⁸.

Заключение о реабилитации **П. В. Злобина**, утвержденное пом. Ген. прокурора РФ Н. С. Власенко, от 15 мая 2001 г. гласило: «В материалах дела никаких доказательств антисоветской деятельности репрессированного нет, кроме того, что он был членом Московского комитета ПСР. Не приведено таковых и в приговоре. Сам же факт его членства в партии эсеров нельзя считать достаточным основанием для признания его осуждения правильным»¹⁹.

В заключении о реабилитации **Н. Н. Иванова**, утвержденном 28 июня 2001 г. и. о. пом. Генерального прокурора Т. М. Бобылевой, говорится: «...Кроме того, в материалах дела нет доказательств того, что Иванов лично занимался военной работой, направленной на свержение советской власти, знал о террористической деятельности партии, имел сношения с иностранными государствами, находящимися в состоянии войны с Республикой Советов. Его переговоры с одним из руководителей «Союза Возрождения» о выделении денег на военную работу партии эсеров, внесение им на обсуждение ЦК вопроса о возможности применения в отношении большевиков террора и экспроприаций необоснованно расценены как контрреволюционные действия, так как со стороны Иванова ограничились только разговорами»²⁰. Заключение констатировало, что «[...]суд в приговоре в отношении Иванова[...] значительно вышел за рамки предъявленных им обвинений, что нельзя признать правильным»²¹.

В «Заключении об отказе в реабилитации по материалам уголовного дела арх. N Н-1789, н п 13 /48-97», утвержденном и.о. пом. генпрокурора РФ Т. М. Бобылевой 13 июня 2001 г., относящемся помимо нескольких человек из 2-й группы подсудимых и к **Е. А. Ивановой-Ирановой**, отмечалось: «[...]Иванова-Иранова, кроме того, признана виновной в том, что состояла членом руководящих органов партии эсеров и выполняла директивы ЦК этой партии, осуществляла связь боевой группы с членами ЦК партии. [...] Одновременно Иванова-Иранова, Усов и Зубков ожидали с подрывным устройством поезд Троцкого в районе ст. Томилино. *Потому только, что Троцкий выехал с другого вокзала, эти преступления не были совершены. ...Также доказано, что Иванова-Иранова, выполняя указания ЦК партии о вооруженной борьбе с советской властью, находясь в Петрограде, занималась отправкой членов партии, офицеров за Волгу, где создавался «военный кулак» для борьбы с советской властью (выделено нами – К.М.).* Исходя из изложенного следует признать, что и вина Пелевина и Ивановой-Ирановой доказана только по эпизоду подготовки теракта на Троцкого, действия Ивановой-Ирановой следовало квалифицировать не по ст. 64, а по ст. 13 и 64 УК РСФСР (в ред. 1922 г.), как покушение на совершение теракта.

¹⁷ Там же. Л. 106–106об.

¹⁸ Там же.

¹⁹ ЦА ФСБ РФ. Н-1789. Л. 109

²⁰ Там же. Л. 118.

²¹ Там же.

На основании изложенного, руководствуясь ст. 4 Закона РФ «О реабилитации жертв политических репрессий», *в реабилитации ... Ивановой-Ирановой Елены Александровны ...отказать* (выделено нами – К.М.)»²².

Заключение о реабилитации **А. В. Либерова** от 15 мая 2001 г. гласило: «Фактически материалами дела установлено, что в октябрьские дни 1917–1918 годов Либеров работал в эсеровской организации в Крыму и входил в городскую думу, которая хотя и не поддерживала октябрьский переворот, но и не выступала против него, контактировал свою работу с Ревкомом. Убедившись, что Ревком ведет свою политику, не согласную с установками эсеров, т.е. на установление рабоче-крестьянской, а не буржуазно-демократической власти, занимался агитацией против такой политики [...]. Затем выехал в Москву, где работал в кооперативных организациях. В своей квартире имел партийную явку. В то же время материалами дела не установлено, кто пользовался этой явкой, какую антибольшевистскую, кроме агитации работу репрессированный проводил. Учитывая, что антисоветская, антибольшевистская агитация в соответствии со ст. 5 Закона РФ «О реабилитации жертв политических репрессий» не признается преступлением, а наличие у Либерова в квартире партийной явки при не установлении того, кто ею пользовался, нельзя рассматривать как преступление, осуждение его следует признать необоснованным»²³.

М. А. Лихач выделяется из среды своих товарищей экзотичностью своего тюремного опыта (хотя у многих он был весьма и весьма серьезный), потому что он сидел не только в царских и советских тюрьмах, но и в качестве члена архангельского правительства (был управляющим отделами труда и народного образования) в 1918 г., после переворота, был вместе с другими членами правительства посажен в тюрьму Соловецкого монастыря. После освобождения уехал в Сибирь, где снова был посажен в тюрьму, на этот раз колчаковскую. После ареста большевиками 26 января 1921 г. для него началась череда уже советских тюрем, закончившаяся Челябинским политизолятором, где он и умер в 1931 г. в тюремной больнице от воспаления легких²⁴.

В «Заключение об отказе в реабилитации по материалам уголовного дела арх. Н Н-1789, н/п 13/48-97», подготовленном А. Г. Абрамовым и прокурором отдела реабилитации Генпрокуратуры РФ И. О. Ковалевской и утвержденном 28 июня 2001 г. и. о. помощника Генерального прокурора РФ Т. М. Бобылевой, говорится: «[...] Лихач признан виновным в том, что состоя членом ЦК партии эсеров (правых), ставившей целью вооруженное свержение рабоче-крестьянской власти в России и в прошлом организовавшей в контрреволюционных целях вооруженные восстания и вторжения на территорию Республики вооруженных банд и отрядов, а равно участвовавшей в ряде попыток захвата власти в центре и на местах, насильственном расторжении договоров, заключенных РСФСР, и отторжении от Республики некоторых частей ее.

[...] Вина Лихача в инкриминированных ему действиях также доказана показаниями самого осужденного, Игнатьева, Семенова, Коноплевой и других, документами, приобщенными к материалам дела.

Этими доказательствами подтверждено, что Лихач с момента провозглашения власти Советов участвовал лично в организации вооруженной борьбы с ней, входя в «Комитет спасения Родины и Революции». На полученные от иностранных антисоветских миссий деньги, переданные ему Игнатьевым, выехал для организации антисоветского восстания в Вологду, откуда, ожидая антантовский десант, переехал в Архангельск, *войдя в состав антисоветского правительства Северной области», опирающегося на антантовские военные силы, по существу оккупировавшие эту территорию, т.е. фактически перешел на сторону врага, ведущего войну с Советской Россией.*

При таких обстоятельствах осуждение ЛИХАЧА Михаила Александровича и Игнатьева Владимира Ивановича следует признать обоснованным и они в соответствии со ст. 4 Закона РФ «О реабилитации жертв политических репрессий» реабилитации не подлежат (выделено нами – К.М.)»²⁵

²² Там же. Л. 125.

²³ Там же. Л. 110–110об.

²⁴ См.: Янсен М. Суд без суда. 1922 год. Показательный процесс социалистов-революционеров. М., 1993. С. 204.

²⁵ ЦА ФСБ РФ. Н-1789. Т. 1. Ч. II. Л. 123, 123 об.

Заключение о реабилитации **Е. М. Ратнер**, утвержденное 15 мая 2001 г. помощником Генпрокурора РФ Н. С. Власенко гласило: «Как следует из обвинительного заключения, конкретно Ратнер-Элькинд обвинялась только в том, что являясь кассиром ЦК партии эсеров, получила от Семенова на нужду ЦК экспроприированные его отрядом у артельщика Наркомпрода деньги, зная о их происхождении. Таким образом, вменяя репрессированной все действия, совершенные другими членами ЦК партии эсеров, Верховный трибунал вышел за пределы предъявленного ей конкретно обвинения. Учитывая, что материалами дела никаких других конкретных действий, Ратнер-Элькинд Е. не установлено, что, как следует из показаний Семенова, он о совершенной его группой экспроприации доложил не репрессированной, а члену ЦК Донскому, через которого передал деньги репрессированной, и что, принимая их, Ратнер-Элькинд просто выполняла свои обязанности кассира, факт экспроприации был политическим действием, так как он был согласован заранее с перевозившим эти деньги, и что они изымаются на нужды партии, следует признать, что Ратнер-Элькинд Евгения Моисеевна, как по ст. ст. 57, 58 ч. I, 60 УК РСФСР, так и по ст.ст. 68 и 76 ч.2 УК осуждена необоснованно»²⁶.

В заключении о реабилитации, утвержденном 28 июня 2001 г. и. о. пом. Генерального прокурора Т. М. Бобылевой говорится о том, что **В. Л. Утгофу** вменялось «[...]то, что он вел военную работу в Петрограде до созыва и в период Учредительного Собрания[...] По делу не установлено, что контрреволюционного совершил репрессированный Утгоф-Дерюжинский, кроме того, что после 4-го съезда партии эсеров он был избран в военную комиссию»²⁷.

В заключении о реабилитации **Ф. Ф. Федоровича**, утвержденной 28 июня 2001 г. и.о. помощника Генерального прокурора Т. М. Бобылевой говорится, что «Федоровичу вменялось в вину то, что он находился в сношениях с *агентом антисоветчика Савинкова* (выделено нами – *К.М.*)» и констатируется, что в деле «отсутствуют доказательства того, что Федорович имел связь с одним из членов контрреволюционной организации Савинкова для налаживания общей антисоветской деятельности», и что «[...]суд в приговоре в отношении [...]Федоровича значительно вышел за рамки предъявленных им обвинений, что нельзя признать правильным»²⁸.

Е. С. Берг был реабилитирован 15 мая 2001 г. Помощником Генерального прокурора РФ Н. С. Власенко было утверждено заключение, подготовленное прокурором отдела реабилитации И. О. Ковалевской и исп. А. Г. Абрамовым, гласившее: «Берг был признан в том, что состоял членом различных руководящих органов партии эсеров (правых) и выполнял директивы своего ЦК. Фактически материалами дела установлено, что будучи несогласным с действиями большевистской партии, совершившей разгон Учредительного собрания и, по мнению Берга, опирающейся на не большинство населения России, вместе с другими представителями небольшевистских партий создал собрание уполномоченных фабрик и заводов Петрограда, легальное, но противопоставившее себя Петроградскому Совету. На собраниях выдвигались политические требования свободы печати, собраний и другие, соответствующие лозунгам эсеров. Когда же по решению Петросовета собрание было распушено, он попытался такое же организовать в Москве как всероссийское. Никакой подпольной работы не вел, а занимался антибольшевистской агитацией, которая в соответствии со ст. 5 Закона РФ «О реабилитации жертв политических репрессий» не содержит состава преступления. Поэтому осуждение Берга в настоящее время следует считать необоснованным. На Берга Ефрема Соломоновича распространяется действие ст. 3 и 5 Закона Российской Федерации «О реабилитации жертв политических репрессий»[...]»²⁹.

Судьбы подсудимых 2-й группы подсудимых-ренегатов, несмотря на то, что после завершения процесса их ждал банкет в Кремле³⁰, более или менее удачно складывались лишь до середины 30-х годов. Немалая их часть была выведена на

²⁶ Там же. Л. 113–113 об.

²⁷ Там же. Л. 117 об–118.

²⁸ Там же. Л. 117 об–118.

²⁹ Там же. Л. 101, 101 об.

³⁰ См.: Янсен М. Суд без суда. С. 214.

процесс Н. И. Бухарина, с которым, связали воедино террористические покушения группы Семенова на большевистских лидеров в 1918 г.³¹

В «Заключении об отказе в реабилитации по материалам уголовного дела арх. Н Н-1789, н п 13 /48-97», подготовленном прокурором отдела реабилитации И.О.Ковалевской и утвержденном 13 июня 2001 г. и.о. пом. генпрокурора РФ Т. М. Бобылевой, в реабилитации было отказано Г. И. Семенову, Л. В. Коноплеву, Е. А. Ивановой-Ирановой (подсудимой 1-й группы), К. А. Усову, Ф. Ф. Федорову-Козлову, Ф. В. Зубкову, П. Н. Пелевину. Они были «признаны виновными в том, что участвовали в боевой группе партии эсеров, совершившей террористические акты против вождей пролетарской революции, вооруженные нападения и ограбления в пользу партии эсеров, причем руководителем группы был Семенов. [...] Показаниями осужденных, свидетелей, другими материалами дела доказано, что боевая группа, организованная и возглавлявшаяся Семеновым, была создана с согласия членов ЦК Гоца, Донского. О ее деятельности и задачах знал и член ЦК Тимофеев, по указанию которого группа, будучи в Москве, готовилась совершить вооруженное нападение на охрану с целью освобождения Гоца, арестованного в то время советскими органами. Нападение не было совершено только потому, что Гоцу самому удалось совершить побег. Установлено, что 20 июня 1918 года член группы Сергеев совершил в Петрограде убийство одного из руководящих работников партии большевиков Володарского. Убийство организовывалось Семеновым с согласия члена ЦК партии эсеров Гоца.

Все осужденные члены группы, кроме Пелевина, участвовали в подготовке террористических актов на Ленина и Троцкого, при этом в группу членом ЦК партии эсеров была направлена Ф. Каплан, как лицо, ставившая себе задачу убийство Ленина. [...] Группа с участием Семенова, Усова совершила экспроприацию [...] Таким образом, вина Семенова, Коноплеву, Ивановой-Ирановой, Усова, Федорова-Крзлова, Зубкова в предъявленных им преступлениях в достаточной степени доказана с некоторыми изменениями. [...] Исходя из изложенного следует признать, что и вина Пелевина и Ивановой-Ирановой доказана только по эпизоду подготовки теракта на Троцкого [...] На основании изложенного, руководствуясь ст. 4 Закона РФ «О реабилитации жертв политических репрессий», в реабилитации Семенова Григория Ивановича, Коноплеву Лидии Васильевны, Ивановой-Ирановой Елены Александровны, Усова Константина Андреевича, Федорова-Козлова Филиппа Федоровича, Зубкова Федора Васильевича и Пелевина Павла Николаевича отказать»³².

Но в то же время П. Т. Ефимов и Ф. Е. Ставская были реабилитированы. В заключении о реабилитации **П. Т. Ефимова**, подготовленном прокурором отдела реабилитации И. О. Ковалевской и утвержденном 31 мая 2001 г. пом. Генпрокурора РФ Н. С. Власенко, констатировалось: «Осуждение Ефимова нельзя признать обоснованным, так как материалами дела не подтверждено, что он состоял членом группы, возглавлявшейся Семеновым, когда она совершала террористические акты, нападения и ограбления. Нет в деле данных и о том, что Ефимов укрывал или пособничал членам группы, т.е. совершил преступления, предусмотренные ст.ст. 76 и 68 УК РСФСР. Показаниями осужденного, Коноплеву, другими материалами дела установлено, что в марте 1918 года, еще до образования боевой группы, Коноплева высказала некоторым руководителям партии эсеров желание совершить теракт в отношении Ленина [...] Для выполнения этого намерения ей в помощь был выделен Ефимов, с которым она выехала в Москву [...] Так как никакой подготовительной работы для совершения теракта проведено в Москве не было и Коноплева с Ефимовым также ее провести не смогли, они отказались от выполнения своего намерения и вернулись в Петроград. Эти действия Ефимова квалифицированы по ст. 64 УК РСФСР. Полагаю, что в данном случае имелся добровольный отказ от совершения преступления. А так как при этом Ефимовым никаких уголовно наказуемых деяний совершено не было, то по этому эпизоду его осуждение следует признать необоснованным. На ЕФИМОВА Петра

³¹ Подробнее см.: Там же; *Литвин А. Л.* Азев второй // *Родина*. 1999. № 9. С. 80–84; *Журавлев С. В.* Человек революционной эпохи: Судьба эсера-террориста Г. И. Семенова (1891–1937) // *Отечественная история*. 2000. № 3. С. 87–105; Судебный процесс над социалистами-революционерами (июнь–август 1922). Подготовка. Проведение. Итоги. Сб. документов / Сост. С. А. Красильников, К. Н. Морозов, И. В. Чубыкин. М., 2002.

³² ЦА ФСБ РФ. Н-1789. Т. 1. Ч. II. Л. 124–125.

Тимофеевича распространяется действие ст. 3 Закона Российской Федерации «О реабилитации жертв политических репрессий» от 18 октября 1991 г.»³³.

В заключении о реабилитации **Ф. Е. Ставской**, утвержденной десятью днями раньше, говорилось: «Как установлено материалами дела, к моменту, когда Ставская вошла в так называемую эсеровскую боевую группу, эта группа почти распалась. Ставская реально участвовала только в собрании по поводу памяти Каплан. Как она сама показала, и это ничем не опровергнуто, что к этому времени она уже разочаровалась в политике правых эсеров, поняла ее вредность для дела революции. При таких обстоятельствах осуждение Ставской не может быть признано обоснованным»³⁴.

В заключении о реабилитации В. К. Дзеруля, А. Б. Ельшешевича, Н. И. Городской, С. Е. Кононова, В. И. Паевского, дело в отношении которых «постановлением РЗ Судебной коллегии ВТ при ВЦИКе Советов от 20 мая 1922 г. прекращено по амнистии от 27.02.1919 года» говорилось: «Как усматривается из материалов дела, Дзеруль, Ельшешевич, Городской, состоя в партии эсеров (правых), с момента октябрьского переворота ведшей борьбу с партией большевиков и советской властью, сами в этой борьбе участия не принимали, хотя и знали о существовании при ЦК партии военной комиссии, образованной для организации вооруженной борьбы с большевистской властью, и проводимой в некоторых воинских частях Петрограда агитации в поддержку Учредительного собрания еще до его разгона. Паевский и Кононов, будучи членами партии эсеров (правых), участвовали в создании в Петрограде в 1917 г. после октябрьского переворота боевых дружин партии эсеров, но активной роли в борьбе с большевиками и властью Советов не играли[...] Полагаю, что уголовное дело в отношении Дзеруля, Ельшешевича, Городского, Кононова и Паевского подлежит прекращению не по «амнистии», т.е. по нереабилитирующим основаниям, а по закону РФ «О реабилитации жертв политических репрессий»»³⁵.

Кроме того весной 2001 г. Генпрокуратурой РФ был реабилитирован целый ряд людей, в том или ином качестве привлекавшихся или к предварительному следствию или непосредственно участвовавших в процессе. Так, уголовное дело в отношении **Б. Г. Закгейма, М. М. Соколова, В. К. Белецкого, Л. В. Бергмана и Борисенко**, было прекращено «постановлением распорядительного заседания Судебной коллегии Верховного трибунала при ВЦИКе Советов от 20 мая 1922 года по амнистии от 27.02.1919 года, объявленной ВЦИКом Советов в связи с отказом партии эсеров (правых) от вооруженной борьбы с Советской властью, то есть по нереабилитирующим обстоятельствам» в то время, как «указанные лица никакой активной работы против Советской власти не проводили, а являлись по существу только очевидцами борьбы эсеров с большевиками за власть (выделено нами – К.М.)» и «были привлечены к уголовной ответственности необоснованно и дело в отношении их подлежит прекращению по реабилитирующим основаниям»³⁶.

Пытаясь осмыслить выше процитированное, сразу следует отметить, что знакомство с заключениями Генеральной прокуратуры РФ о реабилитации и об отказе в ней целому ряду участников процесса с.-р. 1922 г. не может не породить множества недоуменных вопросов. Парадоксальность и порой абсурдность, как многих формулировок заключений, так и самой ситуации в целом достаточно очевидны.

Об этом справедливо писал бывший политзек и правозащитник В. В. Иоффе: «Осужденных советской властью по политическим мотивам легко реабилитируют, по возможности не входя в рассмотрение существа обвинения, из-за отмененной ныне статьи обвинения, [...] или по недостаточной доказанности факта покушения на устои советской власти. Так, при реабилитации участника Петроградской боевой организации Н. С. Гумилева главным оказывается не вопрос о том, был ли он

³³ Там же. Л. 107–107 об.

³⁴ Там же. Л. 114.

³⁵ Там же. Л. 121.

³⁶ ЦА ФСБ РФ. Н-1789. Л. 108, 108 об.

прав или не прав, борясь с коммунистическим режимом, а то, что его враждебность к советской власти оказалась неубедительно документирована»³⁷.

Конечно, корни парадокса гнездятся в компромиссном характере закона о реабилитации жертв политических репрессий, принятого в 1991 г. Можно во многом согласиться с А. Ю. Даниэлем, пишущим: «В частности, бросается в глаза, что реабилитируя «жертвы политических репрессий», Закон делает это весьма и весьма избирательно. Например, он отказывает в «автоматической» реабилитации тем, кто боролся с Советской властью с оружием в руках....Конечно, среди всех этих вооруженных людей попадались и бандиты, и мародеры, – но ведь речь идет об осуждении не за общеуголовное преступление, а за сам факт борьбы с Советской властью с оружием в руках... Можно сколь угодно плохо относиться к индивидуальному террору как инструменту политической борьбы, но лично я не могу не уважать человека, который в 1948 году хотел убить Сталина. История не оставила этим людям выбора (как и Штауффенбергу в Германии) простора для выбора средств. А вот Закон от 18 октября для этой категории осужденных никакой «автоматической» реабилитации не предусматривает.

...В итоге Закон о реабилитации утверждает, что применение любого вида *насилия* в борьбе против *преступного режима* является уголовно наказуемым деянием. Нелепость? Да. Противоречит естественному нравственному чувству? Да. Но иным Закон быть не мог: оставаясь верным идее сохранения идентичности власти, невозможно реабилитировать тех, кто пытался эту власть свергнуть насильственным путем»³⁸.

Заключения Генпрокуратуры РФ о реабилитации и отказе в ней участников процесса с.–р. не просто подтверждают эту мысль, они ярко демонстрируют, какие абсурдные ситуации возникают при проведении реабилитации политических противников режима, боровшихся с ним всеми доступными для них средствами (речь идет вовсе не только о терроре). Обращает на себя внимание логика и язык заключений, идентичные логике и языку советской прокуратуры и органов ВЧК–МГБ. Так, например члена ЦК ПСР и члена архангельского правительства в 1918 г. М. А. Лихача не реабилитировали, фактически обвинив в измене родине и пособничестве антантовским оккупантам: «На полученные от иностранных антисоветских миссий деньги, переданные ему Игнатьевым, выехал для организации антисоветского восстания в Вологду, откуда, ожидая антантовский десант, перебрался в Архангельск, войдя в состав антисоветского правительства «Северной области», опирающегося на антантовские военные силы, по существу оккупировавшие эту территорию, т.е. фактически перешел на сторону врага, ведущего войну с Советской Россией»³⁹. С другой стороны, Д. Ф. Ракова реабилитировали, подчеркнув, что он свергал «антисоветский, антинародный режим Колчака»⁴⁰.

А вот строки заключения о реабилитации Г. Л. Горькова: «...Горьков-Добролюбов осужден только за то, что являлся членом партии эсеров (правых), что нельзя признать достаточно правильным, так как *причастность к партии не может рассматриваться как уголовное преступление, если не установлено, что конкретный ее член занимался антисоветской деятельностью* (выделено нами – К. М.)»⁴¹. Здесь четко и недвусмысленно сказано, что если установлено, что данный человек занимался «антисоветской деятельностью», то это может рассматриваться «как уголовное преступление». Этому постулату прокуроры пытаются следовать, но в ряде случаев абсурдность конкретных ситуаций заставляет их искать лазейки для выхода из тупиковой ситуации. Ведь все 22 подсудимых 1-й группы на эсеровском процессе не скрывали и даже гордились тем, что занимались «антисоветской деятельностью», в том числе и используя вооруженные формы борьбы.

Совершенно ясно, что многое из их борьбы с большевиками в годы гражданской войны не стало известно суду, но они вовсе от этого не перестают быть про-

³⁷ Иофе В. В. Реабилитация как историческая проблема // Мир после ГУЛАГа: реабилитация и культура памяти. Второй международный симпозиум памяти В. В. Иофе. Сыктывкар, 10–11 сентября 2003. Сборник докладов. СПб., 2004. С. 9.

³⁸ Даниэль А. Ю. Концепция реабилитации в контексте политического развития конца 1980-х – начала 1990-х // Там же. С. 17–18.

³⁹ ЦА ФСБ РФ. Н-1789. Т. 1. Ч. II. Л. 123, 123 об.

⁴⁰ Там же. Л. 112 об.

⁴¹ ЦА ФСБ РФ. Н-1789. Л. 106 об.

тивниками большевистской власти. Более того, большинство из них и в ходе суда и своих последних словах недвусмысленно заявляли о своем желании продолжить эту «антисоветскую деятельность». Чтобы их реабилитировать, прокуратуре приходится сочинять совсем уж странные формулировки. Так, в заключении о реабилитации все того же Г. Л. Горькова констатируется: «Как следует из материалов дела, Горьков-Добролюбов являлся в 17-18 годах членом военной комиссии Московского комитета партии эсеров. Оказывал содействие в переправе за Волгу членов разогнанного Учредительного Собрания, присутствовал на заседании Московского бюро ЦК, когда там делал доклад представитель Уфимского антисоветского правительства. Так как суд в приговоре признал, что все установленные действия репрессированного являются незначительными, не были направлены на свержение советской власти (выделено нами – К. М.) ...По делу же не установлено, кого конкретно из членов бывшего Учредительного Собрания репрессированный переправил за Волгу (выделено нами – К. М.)»⁴².

Действия и Г. Л. Горькова, и партии с.-р. были направлены именно на «свержение советской власти» – именно об этом говорят решения всех партийных съездов и Советов партии, именно на это нацелена была работа многих членов партии (в том числе, и всех 22-х подсудимых). Еще раз подчеркнем, что они (в том числе, и Г. Л. Горьков) этого и не отрицали и от подобной цели в будущем не отказывались. Более того, еще раз напомним о заявлении Г. Л. Горькова в Верховный Трибунал и председателю ГПУ Дзержинскому в сентябре 1922 г., в котором он возмущался тем, что в приговоре говорилось о его «...якобы принципиально отрицательном отношении к вооруженной борьбе» и заявлял, что «считает своим революционным долгом заявить Верховному трибуналу» о том, что в ходе процесса «ни разу и ни слова не говорил о своём принципиально-отрицательном отношении к вооруженной борьбе» (подчеркнуто Г. Л. Горьковым – К. М.), что «в вопросе о вооруженной борьбе, как и в других вопросах», у него с ЦК ПСР и с товарищами по процессу «никогда никаких расхождений не было, нет и теперь и во всем была полная солидарность»⁴³. И, как мы уже отмечали, в ответ на это заявление Дзержинский просил Н. В. Крыленко увеличить Горькову срок более чем втрое (вместо 3 лет по приговору 7 августа 1922 г. «повысить до 10 лет», «создав для этого новое заседание Верхтриба»⁴⁴).

Нетрудно догадаться, что если Г. Л. Горьков отказывался от «реабилитации» Верхтриба и ГПУ, то вряд ли он принял бы реабилитацию из рук Генпрокуратуры РФ, тем более, когда его товарищи по скамье подсудимых А. Р. Гоц, М. А. Лихач, Д. Д. Донской и Е. А. Иванова-Иранова остались нереабилитированными.

Но, с другой стороны, строго следуя логике Закона о реабилитации и логике прокурорских работников – ни одного из 22-х подсудимых реабилитировать ни в коем случае нельзя. Выходит, что если было бы установлено, кого конкретно Горьков из членов Учредительного собрания переправил за Волгу, то тогда его нельзя было бы реабилитировать. А собственно какое уголовное преступление содержится в переправке лиц российского гражданства через великую русскую реку Волгу? Это же не переправа через пограничную реку, которая карается законами? Да, конечно, он переправлял в Самару членов Учредительного собрания, ставших затем членами антибольшевистского Самарского правительства Комитета членов Учредительного Собрания. Но даже для того, чтобы считать его сообщником преступлений этих конкретных людей, нужно доказать, что они совершили преступление. Это не требовало доказательств в глазах большевиков ни в 1918 г., ни в 1922 г., но это требует доказательств сегодня. Тем более, что Самарский Комуч, созданный членами легитимного Учредительного Собрания, незаконно разогнанного большевиками, был восстановлением власти Учредительного Собрания, легитимность которого, в отличие от Совнаркома, бесспорна.

Или вот, например, формулировка из Заключения по делу В. В. Агапова: «Его обвинение по ст. 60 УК РСФСР в настоящее время также нельзя признать обоснованным, так как по своей сути эсеровская организация не была контрреволюционной, а только антибольшевистской (выделено нами – К. М.), так как была не согласна с методами действия большевиков». Даже если не вступать в спор о на-

⁴² Там же.

⁴³ Там же. Т. 58. Л. 94.

⁴⁴ Там же. Л. 93.

полнении терминов – контрреволюционный и антибольшевистский, между которыми большевистская власть ставила знак равенства, возникают вопросы. Большинство эсеров центра, правых, правоцентристов и даже левоцентристов (последние – с рядом оговорок) были сторонниками Февральской революции и боролись за ее демократические завоевания и в этом смысле они революционная партия. Но они же категорически были против Октябрьской революции, которую считали переворотом, узурпацией власти Временного правительства и, что важнее, Учредительного Собрания, и с этой точки зрения – они контрреволюционны. Фантастический парадокс: безусловные революционеры безусловно контрреволюционны. А если по ст. 60, скажем, осудили белого офицера за его действия в годы гражданской войны, офицера-монархиста, который был не только антибольшевистски настроен, но и в прямом смысле слова «контрреволюционер», являясь противником любой революции, то по логике закона о реабилитации и прокурора очевидно, что приговор в отношении него следует признать сохраняющим юридическую силу. Но сие в сегодняшних реалиях, а в не реалиях 1991 г., когда принимался закон о реабилитации, есть явный нонсенс.

И еще одно важное соображение. В. В. Иофе справедливо писал: «Но главное противоречие состоит в том, что все судебные решения советского периода по политическим делам, в том числе, и последних десятилетий его существования, так и не признаны неправосудными и подлежащими отмене из-за того, что их вынесли с нарушением законов своего времени, которые и тогда требовали от обвинителя доказательств наличия субъективного умысла нанесения вреда своей стране [...]. Никто этого никогда не доказывал, тем самым судебные процессы были незаконны, а правоприменители очевидным образом были повинны в преступлениях против правосудия»⁴⁵.

Но серьезность, даже, если так можно выразиться, «глобальность» отступлений от основополагающих юридических принципов и собственных законов при организации и проведении процесса с.-р. 1922 г. даже с точки зрения сугубо юридической делают все его решения «неправосудными и подлежащими отмене», а сам он должен быть признан сугубо политическим действием.

При постановке процесса с.-р. был нарушен один из основных постулатов римского права, гласивший – «нет закона, нет преступления». Осуждение по свежепринятому в 1922 г. УК РСФСР за события 1918–1920 гг. – правовой нонсенс. Еще один нонсенс, хорошо передал Ю. О. Мартов: «Чтобы правительство, само созданное заговорщическим переворотом, судило сторонников предыдущего правительства за их противодействие перевороту, да еще через 5 лет, – случай небывалый. Удивительно, как еще не привлечены к суду члены разогнанного Учредит. Собрания за попытку провозгласить последнее единственным носителем власти!»⁴⁶.

Но есть и еще одно обстоятельство. Большевики, захватив власть, взорвали не только политическую ситуацию в стране, но и единое дотоле правовое поле. Отменив законы Временного правительства, большевики создали собственное правовое пространство, но ведь оно в годы гражданской войны вовсе не было единственным на территории России. В условиях гражданской войны самые разные борющиеся за власть силы (большевики, белые, социалисты и др.), стремились создавать (и создавали) собственные государственные образования и собственные правовые пространства.

Почему сегодня Генпрокуратура, рассматривая события 1918–1920 гг., приоритет отдает законотворчеству большевиков, распространяя его и на те территории, где в то время действовало право совсем других государственных образований? Разве по логике вещей летом–осенью 1918 г. жители тех частей Поволжья и Урала, которые входили в состав Комуча, не находились в его правовом пространстве и не должны за все их действия, совершенные тогда, судиться по законам Комуча, а вовсе не враждебной ему РСФСР. Разве то же самое не должно быть применено к территориям архангельского, колчаковского, деникинского и прочих правительств, вплоть до территорий, находившихся в правовом пространстве движения Н. И. Махно? Парадоксально? Да. Но в значительно меньшей степени парадок-

⁴⁵ Иофе В. В. Реабилитация как историческая проблема. С. 9.

⁴⁶ Цит. по: Судебный процесс над социалистами-революционерами. С. 554.

сально и более юридически правомерно, чем судить по советским законам 1922 г. за действия, совершенные в ином правовом пространстве в 1918–1920 гг.

Примечательно, что после Февраля 1917 г. в руки новой власти попало много высших должностных лиц, включая весьма и весьма одиозных, вроде П. Г. Курлова, жандармского генерала А. В. Герасимова, небезызвестной кн. Вырубовой и многих других, в которых новая власть (в том числе, и социалисты), видела старых, заклятых врагов, запятнанных кровью их товарищей. Но, чтобы не создавать юридического парадокса, Чрезвычайная следственная комиссия Временного правительства, расследовавшая их деятельность, в качестве своей правовой основы использовала законы Российской империи, действовавшие на момент совершения преступления данными должностными лицами, и все следствие пошло по пути рассмотрения «должностных преступлений», т.е. превышения служебных полномочий в рамках действовавших законов.

Или мы признаем в раздираемой гражданской войной России право на существование всех государственных образований и на их правовые пространства или отрицаем такое право для всех. Парадокс в том, что юридическую оболочку сугубо политического действия – расправы и дискредитации политической партии – Генпрокуратура принимает за главное. Плеведа приняты за зерно – и отсюда и парадоксы, и путаница, в которой они оказались. Нельзя забывать, что эсеры вывели на открытый процесс вовсе не для того, чтобы юридически квалифицировать их враждебные власти действия, и даже не для того, чтобы расправиться с данными конкретными людьми, а для того, чтобы расправиться с политической партией, развенчать ее в глазах народа и затем «добить» ее полицейскими мерами.

Ведь анализ следствия ГПУ и формулирования обвинения и, особенно, перекраивания списка обвиняемых позволяют утверждать, что правовая сторона лишь обслуживала политические цели и задачи, которые ставили перед процессом. Конкретные обвинения конкретным людям в ряде случаев носили случайный характер – то, что подвернулось под руку. Представляется, что все эти процедуры с предварительным следствием, следствием и заседаниями Верхтриба, приговором и проч., хотя и имеет всю необходимую атрибутику, но правового веса не имеет никакого, а является лишь политическим действием, облеченным в одежды правосудия.

Еще один аргумент в пользу того, что приговор 7 августа и его корректировка 8 августа Постановлением Президиума ВЦИК не может иметь правового значения сегодня. Постановление Президиума ВЦИК от 8 августа 1922 г., приостанавливая исполнение смертных приговоров, связывало это с тем, будет ли ПСР далее в борьбе с властью использовать методы вооруженной борьбы в разных ее формах и проявлениях. Таким образом, сама власть в лице высшего ее органа фактически объявляла подсудимых заложниками, грубейшим образом попирая и Конституцию страны и все существующие законы, в том числе и Уголовный кодекс.

Получается, но Генеральная Прокуратура РФ, относясь серьезно к обвинениям и приговорам этого политического действия, не имеющего законных правовых оснований, с одной стороны, реабилитирует не столько подсудимых, сколько сам процесс и его устроителей. Генпрокуратура признает право устроителей этого процесса на него и признает часть приговоров справедливыми, не реабилитируя ряд эсеров, как из 1-й (А. Р. Гоц, М. А. Лихач, Д. Д. Донской и Е. А. Иванова-Иранова, т.е. 4-х из 22-х членов группы), так и из 2-й группы (Г. И. Семенов, Л. В. Коноплева, К. А. Усов, Ф. Ф. Федоров-Козлов, Ф. В. Зубкова, П. Н. Пелевин и В. И. Игнатъев, т.е. 7 из 12-ти ее членов).

Но, объективности ради, нельзя не сказать, что Генпрокуратура в своих заключениях отметила целый ряд нарушений процессуальных норм со стороны Верховного Трибунала, а также откровенной путаницы и небрежности в приговорах ряда подсудимым (в том числе, и случаи, когда обвиняли в одном, а приговаривали за другое). Но главное в том, что Генпрокуратура попыталась восстановить элементарную справедливость, отменив амнистию Г. И. Семенову, Л. В. Коноплеву, К. А. Усову, Ф. Ф. Федорову-Козлову, Ф. В. Зубкову, П. Н. Пелевину, В. И. Игнатъеву, ставшую платой за ту роль, которую они сыграли на процессе.

И все же прокуратура, работая по заведенной схеме, не заметила, что этот процесс выпадает вообще из всех схем. Даже процессы конца 20-х – 30-х годов, хотя и были абсолютно лживы, несправедливы, сфальсифицированы, но (как это ни странно звучит) были законны (в любом случае, буква закона соблюдалась в не-

соизмеримо большей степени, чем в ходе процесса с.-р. 1922 г.). Парадоксально, но подсудимые процесса с.-р. совершили против власти не только то, что она им инкриминировала (частью это была ложь и напраслина, но частью правда), наверняка многие из них совершили много таких действий, о которых власть так и не узнала, но тем не менее процесс незаконен.

Представляется, что любой человек (в том числе, и прокурор), не желающий запутаться в хитросплетениях и парадоксах политики, юриспруденции и здравого смысла, при определении вины подсудимых эсеров должен задаться ключевым вопросом: а имели ли они (как и все другие субъекты гражданской войны) право на сопротивление большевикам? Если мы отказываем им в праве силой отвечать на разгон и арест большевиками легитимного Временного Правительства, отвечать на разгон легитимно избранного прямым, равным и тайным голосованием Учредительного Собрания, которое должно было сформировать легитимное правительство, отвечать на расстрел демонстраций в Петрограде и в Москве – тогда они, как и все другие противники большевиков, виновны. И именно это доказывал прокурор Крыленко на процессе с.-р.! Но подобное признание противоречит и здравому смыслу, и чувству элементарной справедливости. Закон о реабилитации и Генпрокуратура встают на сторону победителя в гражданской войне, позже узаконившего свою победу (и не только закреплением ее в учебниках истории, но и в судебных приговорах, в том числе, и процесса с.-р.). Но прав ли победитель? С формально-юридической точки зрения – возможно (если считать возможным судить по закону 1922 г. за поступки 1918 г.). Но с морально-политической точки зрения, сегодня уже миллионы людей в стране не признают правоту большевиков – победителей, и подобное «реабилитационное действо» вряд ли является для них приемлемым.

Из всего того, что мы знаем о ментальности 22-х подсудимых эсеров, об их этике, их поведении на процессе, а затем во Внутренней тюрьме ГПУ и Бутырской тюрьме в 1922–1926 гг., и далее – вплоть до самой гибели, можно утверждать, что они не только не приняли бы такую реабилитацию, но и посчитали бы ее оскорблением и нелепостью.

Трудно не согласиться с сибирским историком С. А. Красильниковым, считающим что: «Если уж тогда, перед лицом возможного расстрела, часть из приговоренных к различным срокам готова была разделить участь смертников, то вряд ли Раков, Морозов, Федорович и другие согласились бы принять свою реабилитацию, когда этого оказались лишены их товарищи – Гоц, Донской, Лихач. Они посчитали бы безнравственным такое решение. Да и сами нереабилитированные, ознакомившись с бюрократическим «Заключением» в отказе в реабилитации, вряд ли бы расстроились, увидев, как из документа 2001 года «растут уши» большевистского «правосудия» Крыленко-Пятакова. Они были искренни и точны, когда говорили и считали, что ответственны только перед судом истории. Прокурорские «Заключения» – это из «другой оперы»»⁴⁷.

Но, наверное, мы не вправе забывать и о том, что отказ Генпрокуратуры РФ от реабилитации Д. Д. Донского дал совсем недавно вполне законное основание отказать в ходатайстве о присвоении больницы в Парабели Нарымского края его имени.

Вряд ли мы можем уповать на нескорый суд истории, игнорируя день сегодняшний. Возможно, следовало бы обсудить возможность внесения в Закон о реабилитации поправок, касающихся всех участников гражданской войны. Но это также требует тщательного осмысления, ведь и здесь таится немало опасностей и парадоксов. Мы не имеем права упрощать и должны видеть все противоречия такого, казалось бы, логичного, но чересчур прямолинейного подхода.

Пожалуй, нынешние власти в соответствии с пропагандируемой ими концепцией «национального примирения» (которую они даже внятно и изложить-то не могут, предпочитая предпринимать странноватые действия по переносу праздничного дня с 7 на 4 ноября), охотно и пойдут на это.

С точки зрения юридической, это был бы самый простой выход из ситуации. Но вот с точки зрения морали, это скорее было бы надругательством над нашей памятью и совестью.

---

⁴⁷ Красильников С. А. Восемьдесят лет спустя: процесс 1922 г. глазами Генпрокуратуры РФ // <http://socialist.memo.ru>

Всех ли участников гражданской войны можно сегодня реабилитировать с точки зрения морали? Можно ли реабилитировать откровенных палачей, которых хватало и у красных, и у белых, и у зеленых и у прочих? Можно ли реабилитировать чекистов (включая всю верхушку), проводивших бессудные расстрелы в подвалах ЧК, бравших и расстреливавших безвинных заложников, устраивавших концлагеря для родственников тамбовских крестьян, поднявших антибольшевистское восстание? Можно ли реабилитировать людей, расстрелявших царскую семью (и тех, кто дал на это санкцию)? Как ни относиться к исторической вине перед собственным народом Николая II и его супруги, имевших возможность избежать катастрофы для страны, но не желавших видеть новые реалии нового XX века, столь подлое убийство не обеляет их палачей. Особенно подлым его делает убийство безвинных дочерей и сына Николая II. Их палачей (как и многих других палачей) не судил советский суд за эти деяния, и поэтому они не нуждаются в юридической реабилитации. Но мы не можем допустить, чтобы под сурдинку, вместе с юридической реабилитацией всех участников гражданской войны, эти палачи получили и моральную реабилитацию.

А, с другой стороны, должны ли быть реабилитированы *абсолютно все* те, кто как раз и был осужден советским судом за борьбу с большевистским режимом. Безусловно, должны быть реабилитированы сотни тысяч людей, боровшихся с большевиками с оружием в руках в годы гражданской войны (как минимум), невзирая на то, в какие воинские формирования они входили – в Народную Армию эсеровского Самарского Комуча или в армии Деникина, Юденича, Колчака. Принимали ли они участие в юнкерском восстании в Петрограде в конце октября 1917 г., боролись с большевиками в составе армий батьки Махно или участвовали в одном из тысяч крестьянских восстаний и т. д. и т. п.

Но имеем ли мы моральное право реабилитировать палачей и среди тех, кто боролся с большевиками? Наверное нет, не имеем. Но возможно ли в условиях гражданской войны поименно определить – кто палач, а кто нет? Да и кто будет судить об этом? Современные люди, которые не в состоянии представить уровня ненависти и озлобления этого времени, степень деформации человеческой психики?

Где эта граница, которую во время всеобщего ожесточения и озверения братоубийственной войны, перешли десятки тысяч людей – вспарывавших животы, пытавших пленных, поровших, насилующих и убивавших, устраивавших погромы, вешавших без разбора и с удовольствием?

Нам многие советские десятилетия внушали, что подавляющая часть белых офицеров вешала и расстреливала крестьян и рабочих, что все тамбовские повстанцы – бандиты, махновское движение – тоже бандиты, но хитрая их разновидность – анархо-бандиты, что Ф. Каплан и Л. Канегиссер вырождались, поднявшие руку на любимых народом большевистских вождей и т. д. и т. п.

Безусловно, негодяи и палачи попадались везде, были они и среди противников большевиков. Конечно, настроения мести и безудержной ненависти в той же белой армии или среди крестьян-повстанцев прямо вели к чудовищным эксцессам, но вправе ли мы забывать, что старательно раздували огонь гражданской войны именно большевики. Что бы ни говорили по привычке о корниловском мятеже как о первой вспышке гражданской войны, наконец-то следует признать очевидное, то, что так ловко прятали в советской историко-партийной науке – гражданская война уже была предreshена Апрельскими тезисами Ленина. Эта установка на захват власти большевистской партией задолго до кризиса власти Временного правительства неизбежно вела к гражданской войне.

Ведь изначально было понятно, что и политические партии, генералитет и армия, и наиболее активная и граждански настроенная часть общества, лишившись возможности решить политический спор через демократические выборы в Учредительное Собрание, которое и сформировало бы легитимное правительство, станут бороться с оружием в руках против партии, захватившей власть (а потом и разогнавшей Учредительное Собрание).

Вправе ли мы отказать этим людям, взявшимся за оружие, в их праве на правду?

Вероятно, мы сегодня должны совершенно по-иному посмотреть на этих людей и на их роль в сопротивлении большевистскому режиму. Конечно, «кто-то любит офицера, а кто-то – тыкву». Немногие из тех, кто увлечен героикой белого

движения, способны объективно оценить роль махновского движения в борьбе с большевистским режимом. И наоборот.

Посмотрите вокруг! Много ли вы найдете людей, способных подняться над трагедией русского народа на ту высоту, которой она требует?

Нам надо по-новому посмотреть на всех людей антибольшевистского лагеря, без различия направлений, людей, с оружием в руках отстаивавших свое право против навязывания им чужой воли и насильственного решения своих судьбы и судеб страны. Надо просто признать их право распоряжаться своей судьбой и сопротивляться насилию.

Но наша задача вовсе не забыть поскорее о крови и трагедии русского народа, а извлечь из этого уроки. И один из таких уроков, которые мы могли бы извлечь себе на будущее из трагической российской истории XX века, —это осуждение слепости и шкурности власти, раз за разом ведущей народ к краю пропасти, а также неприятие и осуждение палачей и палачества всех видов, цветов и окрасок. Примирение — это, наверное, то, что не хватает русскому народу, но примирение это, если когда-нибудь ему и суждено состояться, должно бы, на наш взгляд, вывести за скобки палачей и шкурников (самых разных политических окрасов и мастей), принесших и продолжающих нести ему беды.